

М А Й К Л К О

РАЗГАДКА КОДА МАЙЯ

как ученые расшифровали
письменность древней цивилизации

КРУГОЗОР

ДЕНИСА
ПЕСКОВА ▶

Кругозор Дениса Пескова

Майкл Ко

**Разгадка кода майя: как ученые
расшифровали письменность
древней цивилизации**

«ЭКСМО»

1992

УДК 902
ББК 63.4

Ко М.

Разгадка кода майя: как ученые расшифровали письменность древней цивилизации / М. Ко — «Эксмо», 1992 — (Кругозор Дениса Пескова)

ISBN 978-5-04-157070-5

Надписи на языке майя были открыты несколько сотен лет назад, но прочитать их удалось совсем недавно. И если бы не исследовательский талант нескольких ученых, среди которых и наш соотечественник Юрий Кнорозов, язык майя, вероятно, оставался бы загадкой и по сей день. Историю этой удивительной расшифровки рассказывает археолог-майянист Майкл Ко, профессор Гарвардского университета. Ко лично знал Кнорозова и многое сделал для популяризации его работ еще во времена «железного занавеса». Его книга рассказывает о прорывах и трудностях, сопровождавших одно из величайших интеллектуальных достижений XX века. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 902
ББК 63.4

ISBN 978-5-04-157070-5

© Ко М., 1992
© Эксмо, 1992

Содержание

Предисловие	6
Пролог	9
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Майкл Ко
Разгадка кода майя: как ученые
расшифровали письменность
древней цивилизации

*ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА КНОРОЗОВА,
ах-бобат, ах-мийац, этаиль
(пророка, мудреца, друга)*

Breaking the Maya Code

by Michael D. Coe

Copyright © Michael D. Coe

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London

Breaking the Maya Code © original

© Беляев Д.Д., перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

История Американского континента начинается не с Христофора Колумба и даже не с Лейфа Счастливого, а с тех писцов майя из джунглей Центральной Америки, которые первыми стали записывать деяния своих правителей около двух тысяч лет назад. Из всех народов доколумбова Нового Света только майя имели полноценную письменность и могли делать записи на своем собственном языке.

Однако в XIX веке, после открытия руин городов майя, ни одна из этих записей не была прочитана западными учеными. За исключением календаря майя, который расшифрован уже более 120 лет, даже в 1950-е годы XX века, когда я был студентом Гарварда, ситуация не изменилась к лучшему. И лишь сегодня, благодаря впечатляющим достижениям эпиграфистов по обе стороны Атлантики, мы можем прочесть большую часть того, что высечено на каменных монументах или написано на керамических вазах.

Полагаю, наряду с исследованием космоса и открытием генетического кода, дешифровка письменности майя – одно из наиболее волнующих событий нашей эпохи. Это и есть история, которую я хотел бы поведать, – я имел счастье быть лично знаком со многими ее участниками. Как вскоре станет ясно и читателю, в процесс дешифровки были вовлечены люди из плоти и крови с яркими характерами, которые решали не одни лишь теоретические и научные вопросы.

При желании в моем повествовании можно найти героев и негодяев, но позвольте вас уверить, что на этих страницах нет «плохих парней», разве только слишком уверенные в себе

исследователи. Увлечшись ложными допущениями, они выбирали порой не тот поворот и тем самым губили свою репутацию в глазах следующих поколений. А уж если вам очень хочется найти негодяя, вспомните, что даже у Джона Мильтона падший ангел, сам Сатана, имел героические черты.

В работе над этой книгой мне помогали многие, однако должен подчеркнуть, что все факты и интерпретации, плохи они или хороши, мои собственные. Но особая благодарность – Джорджу Стюарту, рукопись которого об истории дешифровки, опубликованная в 1992 году одновременно с первым изданием и моей книги, привела меня к новым идеям. Я признателен за помощь Линде Шили и Флойду Лаунсбери, к моему искреннему сожалению скончавшимся в 1998 году, а также Элизабет Бенсон, Дэвиду Стюарту и Дэвиду Келли за их терпение и снисхождение во время долгих записей интервью, часто по междугородному телефону. Именно Линда со свойственной ей безмерной щедростью предоставила мне копии переписки, которая велась между «младотурками», описанными в десятой главе.

Я глубоко обязан Ю. В. Кнорозову и его коллегам из Российской Академии наук за их гостеприимство во время нашего с женой визита в Санкт-Петербург (тогда Ленинград) в 1989 году, и особенно Галине Ершовой, ныне директору Мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета.

Первые главы этой книги были написаны в неоклассической роскоши Британской школы в Риме, когда я был в трехгодичном отпуске, предоставленном мне Йельским университетом. И большое спасибо ее директору профессору Ричарду Ходжесу и библиотекарю Валери Скотт, благодаря которым за время этого пребывания я получил неоценимый опыт. А за ценные редакторские замечания хотел бы выразить признательность Джеймсу Мэллори, Эндрю Робинсону и сотрудникам издательства «Thames and Hudson».

Начиная с 1992 года, когда было опубликовано первое издание моей книги, и до последнего ее обновления в 1999 году поток новых эпиграфических данных хлынул в майянистику, как вешние воды, захлестнувшие плотину. Я обязан множеству людей, которые помогли мне быть в курсе последних открытий в области письменности и иконографии майя, особенно Дэвиду Стюарту, Стивену Хаустону, Карлу Таубе, Питеру Мэтьюзу, Саймону Мартину, Марку Зендеру, Освальдо Чинчилье Масарьегосу и моему коллеге Марку Ван Стоуну.

В настоящем издании орфография, используемая для записи слов майя, следует нормам, установленным Академией языков майя Гватемалы, кроме названий археологических памятников: они так давно вошли в профессиональную и туристическую литературу, что изменять их, не введя читателя в заблуждение, не имеет смысла. В соответствии с этой орфографией, гласные и большая часть согласных звучат так, как в испанском, за следующими исключениями:

- согласный *w* читается как английский *w*;
- *x* звучит как английский *sh* и русский *ш* в соответствии с произношением в Испании XVI века;
- языки майя различают глоттализированные и неглоттализированные согласные; первые произносятся сильнее, с суженной гортанью, и в данной орфографии такие согласные записываются с апострофом;
- гортанная смычка (') – это тоже согласный, который звучит похоже на то, как англичане-кокни произносят *tt* в слове *little*, а русские – название буквы *ы*;
- в классическом майя (язык иероглифических надписей) было два глухих придыхательных звука. Один записывается как *h* и очень похож на английский *h*, а другой – как *j*, горловой согласный, напоминающий *ch* в немецком *Bach* или русское *х*;
- ударение в словах майя всегда приходится на последний слог.

Нью Хэйвен, Коннектикут

Январь 2011

Пролог

Прошло 12 циклов, 18 катунов, 16 тунов, 0 виналей и 16 кинов с начала Великого Цикла. Это был день 12 Киб 14 Уо, и им правил седьмой Владыка Ночи. Луна была девяти дней от роду. Прошло в точности 5101 год и 235 дней с сотворения этого мира, и только 23 года и 22 дня оставалось до финальной катастрофы, которая его разрушит. Так считали бы древние майя. А день был 14 мая 1989 года, и мы были в Ленинграде.

«Гостиный двор!»

Бестелесный голос объявил станцию метро, двери вагона открылись, и я и моя жена были подхвачены волной утренних пассажиров, поднимающихся по эскалатору к яркому рассвету на Невском проспекте – главной артерии царского Петербурга и послереволюционного Ленинграда. Мы пересекли мосты через канал Грибоедова и Мойку, – Пётр Великий построил свою столицу по образцу любимого Амстердама, – повернули направо, прошли сквозь арку гигантского здания Генштаба и вышли на Дворцовую площадь. За гранитной колонной, воздвигнутой в честь победы Александра I над Наполеоном, простирается необъятный зелено-белый барочный фасад Зимнего дворца, один вид которого сразу же вызывает воспоминания об ужасных событиях революции 1917 года. Слева, горя золотом в рассветных лучах солнца, вздымается шпиль Адмиралтейства, воспетый Пушкиным.

Мы идем мимо Зимнего и Адмиралтейства с его классицистической красотой и останавливаемся на набережной. Бурные воды Невы текут на юго-запад, в сторону Балтийского моря. Ленинград (ныне Санкт-Петербург) остался одним из немногих великих европейских городов, которые сохранили горизонт, не изуродованный отвратительными небоскребами и стеклянными коробками, что разрушили красоту таких столиц, как Лондон и Париж. Куда бы мы ни взглянули – везде те же здания, которые легко узнал бы и Пушкин. Прямо напротив лежит Васильевский остров, со зданием старой (еще капиталистической) Биржи и кирпично-красными ростральными колоннами. На набережной Большой Невы этого острова Пётр выстроил свой великий университет: именно здесь русская наука цвела во всей своей славе.

На правом берегу реки великий царь-реформатор основал Кунсткамеру, чтобы разместить зловещую коллекцию уродов, редкостей и других отклонений из мира природы. Это сине-зеленое барочное здание с белой отделкой и многоярусной башней с куполом – подлинная фантазия начала XVIII века, спроектированная итальянскими архитекторами. Царские раритеты выставляются до сих пор, однако главное назначение Кунсткамеры сегодня – служить домом Институту этнографии Академии наук. Это и было место, куда мы направлялись, поскольку я был приглашенным исследователем из Национальной академии наук США.

После короткой прогулки через Дворцовый мост, стараясь не попасть под трамваи, мы подошли к главному входу. Кунсткамера имеет три этажа, и на каждом – выставочные залы, содержащие потрясающие этнографические коллекции со всего мира. Но нас влекут кабинеты на первом этаже, так как в одном из них работает наш главный хозяин и друг, доктор наук Юрий Валентинович Кнорозов – человек, который, несмотря на все препятствия, сделал возможной дешифровку иероглифической письменности майя.

Юрий Валентинович вместе с четырьмя коллегами был сотрудником сектора Америки (Нового Света) института, и все пятеро размещались в ужасающе тесной комнатке в конце коридора. Приватность, как и везде, минимальная. Внутри – полный хаос из столов, книг и бумаг вперемешку с принадлежностями для приготовления бесконечных чаёв, что составляет важнейшую часть русской жизни и общения. Когда двадцать лет назад, во время частного визита, мы впервые вошли в это святилище, стоял январь, и в тусклом зимнем свете, падаю-

щем из двух высоких окон, едва можно было разглядеть замерзшую Неву – настолько запотели стекла от постоянно кипевшего самовара.

За десятилетия, что Кнорозов занимал этот настоящий крольчатник этнологов, лингвистов и лаборантов, он обустроил для себя весьма уютный уголок около окна слева. Здесь мы собирались каждый день вместе с его ученицами Галиной Ершовой (или Галей) и Анной Александровной Бородатовой и вели бесконечные разговоры об иероглифах майя и куче прочих тем.

Позвольте описать Юрия Кнорозова, который даже среди своих соотечественников слыл большим оригиналом. Это был невысокий, худой, аккуратный человек за шестьдесят. Самой необычной чертой его лица были невероятные темно-сапфировые глаза, прятавшиеся под нависшими бровями. Будь я физиономистом из XIX века, я сказал бы, что они выражают всепроникающий разум. Седые волосы зачесаны назад, хотя, когда мы встретились впервые, в 1969 году, они были разделены на прямой пробор и гораздо темнее. Несмотря на внешне хмурое лицо, Юрий Валентинович имел потрясающее, зачастую даже игривое чувство юмора – и тогда мимолетная улыбка появлялась на его лице, словно солнечный луч из-за темных туч. Как многие русские, Кнорозов был заядлым курильщиком, и пальцы его были крепко пропитаны никотином. Эту привычку он разделял с другой великой русской (по происхождению) – американской исследовательницей, пионером дешифровки письма майя Татьяной Проскуряковой. Но, в отличие от многих поклонников табака в моей стране, Кнорозов был очень тактичен и каждый раз выходил за дверь, чтобы предаться своему любимому пороку.

Юрий Валентинович, всегда консервативно одетый в коричневый двубортный костюм, белую рубашку и темный галстук, с медалями на пиджаке (одну он оставлял дома, поскольку на ней был изображен Сталин – не самая популярная фигура в современной России), вообще был впечатляющей личностью, особенно для иностранцев. Тем, кто знал Кнорозова только по его работам, было невдомек, что он обладал энциклопедическими знаниями в совершенно разных областях, прежде всего по истории и архитектуре Санкт-Петербурга. По мнению нашего друга, все в этом городе создано трудами Петра Великого и его коррумпированного фаворита Меншикова, чей роскошный дворец и по сей день возвышается на Университетской набережной ниже по течению. Однажды, когда мы, как обычно, пили чай и ели печенье из одного из бесчисленных тайников, которые Кнорозов хранил в закоулках кабинета, разговор зашел о капитане Вильяме Блае и его удивительном путешествии после знаменитого мятежа¹. Кнорозов оказался экспертом и в этом вопросе! Но с врожденным благородством он никогда не кичился своими знаниями ни в общении, ни в переписке.

Что действительно потрясает, так это то, что до горбачевской перестройки 1980-х годов этот человек никогда не видел ни одного города древних майя, не стоял на площадях и дворах Копана, Тикаля, Паленке или Чичен-Ицы, ни разу не прикасался ни к одной подлинной надписи майя. Только однажды он был за пределами собственной страны, летом 1956 года, когда ему позволили принять участие в конгрессе американистов в Копенгагене. И это при том, что в истории дешифровки письменности майя Кнорозов стоит наравне с Жаном-Франсуа Шампольоном, «взломавшим» египетскую письменность в начале XIX века! И надо было видеть условия, в которых работал Юрий Валентинович и его коллеги, чтобы еще больше оценить его вклад в майянистику. Те из нас, кто наслаждается сегодня такими привилегиями, как свободный визит в любую страну мира, беспрепятственный выезд на зарубежные конференции и в институты, доступ к компьютерам и копировальным машинам (ибо современную работу с иероглифами невозможно представить без ксероксов, которые практически отсутствовали в СССР), должны быть бесконечно благодарны небесам.

---

¹ Речь идет о мятеже на британском корабле «Баунти» в 1789 году (*здесь и далее примеч. ред.*).

Без сомнения, Юрий Валентинович был привычен к трудностям: его первая статья о дешифровке письменности майя появилась за год до смерти Сталина, а значительная часть исследований пришлась на мрачную эпоху холодной войны и годы застоя при Леониде Ильиче Брежневе. И потому для меня работа Кнорозова знаменует триумф человеческого духа: упорный и целеустремленный одиночка-ученый смог исключительно силой своего ума проникнуть во внутренний мир чужого народа, который жил тысячу лет назад, да еще в джунглях на другой стороне земного шара.

Для древних майя письменность имела божественное происхождение: это был дар Ицамнаха, великого бога-творца, которого жители Юкатана накануне испанского завоевания считали первым жрецом. Каждый год в месяц Уо – в такой же месяц мы оказались на Университетской набережной Невы – жрецы поклонялись ему, вынося драгоценные книги и раскладывая их на свежих ветвях в доме местного правителя. Священная смола *пом* воскурялась для бога, и деревянные дощечки, служившие обложками книг, омывались голубой краской майя и девственной водой. Давайте же на время покинем Неву, град Петров и гения, который помог всему человечеству раскрыть секрет этих книг и дара Ицамнаха. Прежде чем Великий Цикл майя завершит свой неумолимый бег, пришло время узнать, как эти древние письмена были прочитаны через века нашими современниками – простыми смертными.

Глава 1

Видимое слово

Письменность – это речь в видимой форме, так что любой читатель, знакомый с ее условными принципами, может реконструировать устное сообщение. С этим согласны все лингвисты уже довольно давно, но так было не всегда. В начале эпохи Ренессанса, когда ученые начали интересоваться этими вопросами, выдвигались совсем другие идеи, большая часть которых оказалась ошибочными, а некоторые базировались на совершенно фантастических, хотя и изобретательных аргументах. В истории дешифровки ушло довольно много времени, чтобы избавиться от этих идей: исследователи и ученые могут так же свирепо отстаивать глубоко укоренившиеся стереотипы, как собака защищает старую кость.

Письменность как видимая речь была впервые изобретена около 5000 лет назад шумерами в Южной Месопотамии и практически одновременно – древними египтянами. Полностью завися от письменности, мы бы сказали, что это было одно из величайших человеческих открытий. Сэр Эдвард Тайлор, основатель современной антропологии, живший в викторианскую эпоху, утверждал, что переход от варварства к цивилизации произошел именно благодаря письменности [1]. Но если обратиться к мыслителям классического мира, то не все они считали, что письменность – это великое благо.

Платон, например, полагал, что письменное слово уступает устному. В диалоге «Федр» [2] он вкладывает в уста Сократа старый миф о египетском боге Тевте (то есть Тоте), изобретшем письмо наряду с арифметикой, геометрией и астрономией (и вдобавок еще игру в шашки и в кости). Тевт пришел со своими изобретениями к царю, некоему Тамусу, настаивая на том, что они должны быть известны всем египтянам. Тамус изучил каждое из них по очереди. Когда дело дошло до письменности, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Однако Тамус выказал сомнение: «Ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри,

сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания»². Иными словами, благодаря письменности люди получают много информации, но без правильного обучения они только будут казаться знающими, на самом же деле останутся невеждами.

Письменность не поможет в поисках истины, замечает Сократ в диалоге Платона и сравнивает письменность с живописью: люди на картинах выглядят как живые существа, но, если задать им вопрос, они останутся немые. Так же и с сочинениями: задашь вопрос записанным словам – получишь один и тот же ответ. Записанное не делает различий между людьми понимающими и теми, кому не подобает читать. Если сочинением пренебрегают или несправедливо ругают, само оно неспособно защититься. Только человек, владеющий искусством диалектики, может защитить свои слова, свою истину. Потому устная речь выше, чем письменная.

Сократ был конечно же прав: бесписьменные народы способны на впечатляющие подвиги памяти, что могут подтвердить этнологи. Необъятные племенные истории были запечатлены в памяти кельтскими бардами и исландскими скальдами; можно вспомнить и об «Илиаде» и «Одиссее», которые декламировались с точностью до строчки греческими певцами Тёмных веков, когда микенская письменность (линейное Б)³ была уже забыта, но еще не появился алфавит. Я сам был очевидцем подобного подвига памяти. В один из зябких дней во время великого ритуала шалако у зуни в Нью-Мексико мой друг Винсент Скалли и я находились в Доме совета богов. У стен сидели бесстрастные жрецы, час за часом в унисон повторявшие нараспев длинный миф творения зуни, в котором ни одно слово или даже слог не могут быть произнесены неверно, – и все это без использования письменного текста. Одна ошибка в декламировании означала бы катастрофу для всего племени.

Моя жена Софи как-то напомнила мне, что к тому времени, как наши дети, все пятеро, пошли в первый класс и научились читать и писать, они утратили невероятную способность запоминать, которую имели, когда были маленькими. Что ж, может быть, оптимистические строки Уильяма Блейка в стихотворении «Иерусалим»⁴ о том, что Господь

во мгле пещер среди Синайских скал
Писанья дивный дар он людям дал,

не так уж верны.

После Платона и классической эпохи первыми, кто всерьез стал размышлять о системах письма, были гуманисты Ренессанса. К сожалению, именно на них должно возложить вину за ошибочные концепции, которые продолжали доминировать в эпиграфике с тех славных дней.

Посетители исторического центра Рима могут натолкнуться на курьезный, но очаровательный монумент на площади Минервы, стоящий перед древней церковью Святой Марии. Этот монумент, спроектированный самим великим Бернини⁵, представляет собой маленького слона с изогнутым хоботом, на спине которого возвышается резной египетский обелиск времен фараона Псамметиха II⁶. На пьедестале, поддерживающем эту странную композицию, нанесена латинская надпись, в переводе гласящая:

Мудрость Египта,
вырезанная в картинках на этом обелиске

---

² Перевод А. Н. Егунова (Платон 1968: 221–224).

³ Линейное письмо Б (крито-микенское письмо) – древнейшая письменность на греческом языке, распространенная на Крите и в материковой Греции в XV–XII веках до н. э.

⁴ Из предисловия к эпической поэме Блейка «Мильтон» (1804) в переводе Д. Смирнова-Садовского.

⁵ Бернини Джованни Лоренцо (1598–1680) – видный итальянский архитектор и ведущий скульптор своего времени.

⁶ Египетский фараон XXVI (Саисской) династии (595–589 годы до н. э.).

и несомая слоном,
самым могучим из зверей,
может дать тем, кто смотрит на него,
пример того,
как сила разума должна
поддерживать вес мудрости [3].

В середине XVII века, когда папа Александр VII⁷ повелел установить на площади эту странную смесь египетского и барочного итальянского искусства, в мире не было ни одного человека, который мог бы прочесть странные знаки, вырезанные на четырех сторонах египетского обелиска. Как же тогда составитель надписи знал, что обелиск содержит «мудрость»?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вернуться назад, в классическую древность, память о которой возрождали европейские гуманисты.

Благодаря работе дешифровщиков начала XIX века, в частности Шампольона, египетская письменность сегодня читается практически полностью. Принципы, на которых она основывается, заключаются в сложном сочетании фонетических и семантических («значащих») знаков – как и во всех древних системах письма. Однако после более чем трехтысячелетнего процветания египетская цивилизация вследствие македонского и римского завоеваний и последующей христианизации постепенно перестает существовать, так же как и ее восхитительная письменность: последняя надпись, выполненная иероглификой, датируется концом IV века н. э.

Греки с их ненасытной жадой знания были очарованы цивилизацией долины Нила. В V веке до н. э. Геродот, отец не только истории, но и антропологии, посетил Египет и вел беседы со жрецами о разных аспектах жизни в этой стране. Не сомневаясь (причем верно) он указал, что египетская письменность использовалась для записи исторических сведений, особенно царских деяний, и читалась справа налево. Но по мере того, как культура Египта приходила в упадок под натиском античного мира, информация, сообщаемая греками о египетском письме, содержала все меньше и меньше смысла. Возможно, местные жрецы намеренно вводили чужаков в заблуждение. Сравните, например, что писал знаменитый Диодор Сицилийский⁸ в I веке до н. э.: «...их письмо не выражает предлагаемые понятия с помощью слогов, следующих друг за другом, но с помощью значений предметов, которые были скопированы и посредством их переносного смысла, который запечатлён в памяти обычаем» [4]. Это очень далеко от наблюдений и выводов Геродота.

Гораполлон (Хор Аполлон), один из последних представителей египетского жречества, в IV веке до н. э. впервые использовал слово *иероглифический* для описания египетской письменности. Он сочинил на эту тему две книги, дошедшие до нас в греческом переводе некоего Филиппа под названием «Иероглифика», в которых утверждал, что символы, вырезанные на стенах, обелисках и других монументах долины Нила, были «священной резьбой» (буквальное значение слова *иероглиф* на греческом).

Если бы нелепые объяснения Гораполлона не повторялись майянистами XX века, они были бы просто смешны. Двух примеров вполне достаточно. Так, иероглиф, изображающий бабуина, якобы может обозначать луну, обитаемый мир, письменность, жреца, гнев и плавание. «Обозначая человека, не покидавшего родины, рисуют его с головой осла, поскольку он не слышит никаких историй, ни ведаёт о том, что случается на чужбине» [5]. И тем не менее

---

⁷ Римский папа в 1655–1667 годах.

⁸ Диодор Сицилийский (ок. 90–21 года до н. э.) – древнегреческий историк родом с Сицилии. Продолжая традиции греческой универсальной историографии, составил обширный труд «Историческая библиотека», где в синхронном порядке излагалась история Греции, Рима и части Востока с древнейших, мифологических времён до середины I века до н. э.

«Иероглифика» Гореполлона была дважды опубликована в Италии в XVI веке и с энтузиазмом воспринята гуманистами.

Еще большее влияние на ренессансное мышление оказал родившийся в Египте религиозный философ Плотин, создатель неоплатонизма в III веке н. э. Плотин восхищался египтянами, поскольку они могли выражать на письме свои мысли напрямую, не используя «буквы, слова и предложения». «Таким образом, каждый начертанный знак – наука, мудрость, реальное явление, обозначенное одним очерком» [6]. Опубликованные во Флоренции в год, когда Колумб открыл Новый Свет, идеи Плотина создали ренессансный образ Египта как источника мудрости и египтян как народа, который мог выражать свои мысли в видимой форме без вмешательства языка и изобрел настоящую идеографическую письменность.

И вот на сцене появляется Афанасий Кирхер (1602–1680), предлагающий собственную доктрину иероглифической мудрости [7]. Сегодня этот германский иезуит не был бы удостоен и абзаца в любой энциклопедии, но он был самым выдающимся учёным-энциклопедистом своей эпохи, уважаемым князьями и папами. Не было ни одной темы, на которую бы он не писал, не было ни одной науки, в которой он не проводил бы экспериментов. Среди множества его изобретений был волшебный фонарь – прародитель кинематографа, музыкальный фонтан и мегафон.

Рим, где Кирхер преподавал математику и еврейский, стал его домом на протяжении большей части жизни. Под управлением таких пап, как Сикст V, Вечный город в то время переживал настоящую обелисковую лихорадку. Являясь частью масштабной программы перестройки столицы, обелиски располагались в узловых точках новой сети улиц, а также в центре площади перед собором Святого Петра, обрамленной полукруглыми колоннад, – грандиозным созданием Бернини. Все эти обелиски были перевезены из Египта еще римлянами, и большинство, как обелиск Минервы, были покрыты иероглифами.

Кирхер объявил, что может читать их, и приложил огромные усилия к их изучению и публикации. Он тщательно проштудировал греческие источники, поскольку считал, что они напрямую передавали мысли египтян, и полностью воспринял неоплатоновские нелепицы Плотина. Вот его «прочтение» царского картуша на обелиске Минервы, который, как мы теперь знаем, содержит имя и титулы Псамметиха II, саисского фараона XXVI династии:

«Защита Осириса против насилия Тифона должна быть выявлена в соответствии с ритуалами и церемониями жертвоприношениями и обращениями к Гениям-покровителям тройственного мира для того, чтобы обеспечить удовольствие процветанием, очно даваемым Нилом против насилия врага Тифона» [8].

Фантазии Кирхера в области дешифровки вошли в историю как доведенный до схоластического абсурд, аналогичный по бесполезности расчетам даты сотворения мира архиепископа Ашшера⁹. Как однажды написал выдающийся египтолог сэр Алан Гардинер, они «превзошли все границы в своей богатой фантазией глупости» [9]. Тем не менее концепции неалфавитных систем письма, состоящих из идеограмм – знаков, передающих метафизические идеи, но не их звучание на конкретном языке, была суждена долгая жизнь как в Новом Свете, так и в Старом.

Но, как говорится, даже стоящие часы показывают время верно дважды в сутки, так что не все старания нашего энциклопедиста были бесплодны. Кирхер был полиглотом, очарованным языками. Одним из них был коптский – египетский язык, такой же мертвый, как и латынь, но продолжавший использоваться христианской коптской церковью в Египте. Это был язык населения долины Нила до того, как его начал вытеснять греческий, и до арабского вторжения

---

⁹ Ашшер Джеймс (1581–1656) – ирландский англиканский архиепископ, богослов, историк-библеист, один из основоположников библейской хронологии. На основе своих хронологических расчётов предложил точную дату сотворения мира (23 октября 4004 года до н. э.).

в VII веке н. э. Кирхер был одним из первых серьезных исследователей коптского, который утверждал, что этот язык происходил от древнего языка фараонов. Так что, с одной стороны, он вымостил дорогу к дешифровке иероглифической письменности, впоследствии завершённой Шампольоном, а с другой – своим упёртым эзотерическим взглядом на иероглифы затормозил эту дешифровку почти на два столетия.

Было бы неверно обвинять Кирхера в его ошибках: он был человеком своего времени. Другие иезуиты возвращались из Китая и описывали тип письменности, который включал десятки тысяч различных «символов», напрямую передающих идеи (что, как мы знаем задним числом, крайне далеко от истины). Так же выглядели и краткие описания «мексиканских» иероглифических записей, привезённые в Европу миссионерами, такими как иезуит Хосе де Акоста¹⁰.

Возможно ли, как полагал Кирхер, создать систему письма из символов, которые не имеют непосредственной связи с каким-то конкретным языком и которые непосредственно выражают мысли? Британский лингвист Джеффри Сэмпсон полагает, что да: в своей книге «Письменные системы» [10] он разделяет все возможные письменности на *семасиографические*, в которых символы не связаны с произношением, и *глоттографические*, в которых написание отражает конкретный язык, например, английский или китайский. Но Сэмпсон единственный среди коллег по профессии утверждает, что семасиография является полноценной системой; при этом он рассматривает ее только теоретически, не приводя ни одного реального примера такой письменности.

Однако следует признать, что семасиография до определенной степени присутствует во всех известных системах письма, даже в алфавитных. Рассмотрим письменный английский и электрическую пишущую машинку, на которой я напечатал первое издание своей книги. Арабские цифры 1, 2, 3 и так далее являются математическими конструктами, которые читаются *one, two, three* по-английски, *uno, due, tre* по-итальянски, *se, ome, uei* на науатле (астекском) и *один, два, три* на русском. Цифры, состоящие из точек и палочек, использовавшиеся майя, сапотеками и другими народами Мексики и Центральной Америки до прихода испанцев, также семасиографичны (или идеографичны, если использовать старую, вводящую в заблуждение терминологию). Но насколько они на самом деле далеки от конкретного языка? Сомневаюсь, что любой англоговорящий не думает о слове *twelve*, когда смотрит на запись 12, а итальянец – о слове *dodici*, когда делает то же самое.

Лингвист Арчибальд Хилл пишет, что «любая письменность отражает речь, произнесенную вслух или мысленную, и никогда не может передавать идеи, которые не были воплощены в речи» [11]. В противовес этому утверждению в некоторых работах, посвященных письменности, в пример приводится международная система дорожных знаков (см. рис. 1) как «внеязыковая» система, которая ориентирована на водителя безотносительно к его родному языку. Тем не менее, возразим мы, водитель всегда «произносит» что-то в уме, например, «Нет!», когда сталкивается с красным кругом с диагональной чертой у дороги. На моей клавиатуре символы \$ и £ точно так же связаны с языком, как и соответствующие слова «доллары» и «фунты». В каждой культуре, в которой предполагаемые «внеязыковые» символы или даже картинки используются для коммуникации, их значение должно быть выучено посредством устной или письменной речи. Следовательно, семасиография, или «письмо» такими знаками, имеет мало общего с происхождением письменности и ее эволюцией – этот важный шаг в развитии человеческой культуры связан с воспроизведением звуков конкретного языка.

¹⁰ Акоста Хосе де (1539–1600) – испанский историк и натуралист, член ордена иезуитов, миссионер. Автор сочинений, посвящённых природе и культуре Америки, прежде всего «Естественной и моральной истории Индии» (1590), в которой предвосхитил ряд теорий, выдвинутых наукой позднее.

Рис. 1. Международная система дорожных знаков.

Впрочем, некоторые весьма курьезные и интересные семасиографические системы в истории все же существовали. Все они представляли собой коды, зависящие от специфического набора визуальных знаков, о которых предварительно договорились кодировщик и декодировщик. Полумифическая сигнальная система при помощи фонаря Пола Ревира («один, если по земле, два, если по морю»)¹¹, предназначенная для того, чтобы предупредить о приближении англичан, является упрощенным примером такой договоренности. Другие системы могут быть довольно сложны, передавая через пространство и время значительный объем информации, но проблема заключается в том, что без ключа к коду невозможно дешифровать сообщения подобной системы. Даже лучший криптограф не смог бы сделать этого.

Рассмотрим знаменитые *кипу* инкского Перу (рис. 2), от которых зависела администрация Инкской империи [12]. Эти «записи» при помощи шнуров и узелков были жизненно важны для инкской бюрократии, поскольку могучее государство инков было единственным в мировой истории, не имевшим настоящего письма. Каждое *кипу* состояло из нескольких связанных цветных шнурков, на которых через определенные отрезки были завязаны различные типы узлов. Анализ структуры *кипу* привел исследователей XX века к выводу, что плетение шнурков и узлов основывалось на десятичной системе счета. К нашему глубокому сожалению, открытий в этом способе передачи информации было немного, несмотря на утверждения ранних испанских и индейских источников, что таким образом инки фиксировали не только статистические и экономические, но и исторические, мифологические, астрономические и другие сведения. Весьма возможно, что, как у египтян Платона до изобретения письменности, при необходимости в дело вступали специалисты, натренированные на запоминание. Другими словами, как в прочих семасиографических системах, о которых мы знаем, визуальные знаки были мнемоническими помощниками для запоминания, нацеленными на то, чтобы оживить воспоминания хранителей *кипу*.

¹¹ Речь идет о герое американской Войны за независимость Поле Ревире (1734–1818), который в 1775 году договорился со священником об условном знаке, предупреждающем колонистов о приближении английских войск: один фонарь на шпилье церкви означал, что британцы идут по земле, два – по воде.

Рис. 2. Инкский чиновник с *кипу*; с рисунка Гуамана Пома де Айялы¹².

Еще большую сложность демонстрирует удивительная письменность, изобретенная в начале XX века апачским шаманом из Аризоны по имени Сайлас Джон [13]. Чтобы передавать заклинания, полученные им в сновидениях, он придумал серию знаков, которые записывались на оленьей коже и «читались» последователями. Не стоит и говорить, что «читались» они на апачском, но не передавали фонетических данных. Однако в этой системе были закодированы детальные инструкции для ритуального поведения во время представлений, что позволяет предположить, что и другие семасиографические системы, известные археологам и этнологам, могут быть не такими уж примитивными, как казалось многим.

Теперь перейдем к «рисуночному письму». Не говорят ли рисунки с нами напрямую? Ведь старая поговорка гласит: «Изображение стоит тысячи слов». Кирхер, его коллеги-иезуиты и весь интеллектуальный мир Рима в XVI и XVII веках были крайне впечатлены рисуночными символами на загадочных египетских обелисках. Еще более поражали изображения животных, растений и других объектов в сложенных гармошкой книгах из Мексики, которые хранились в Ватиканской библиотеке. Во времена Контрреформации, пошатнувшейся под атаками протестантских теологов на религиозную иконографию и рвущейся ответить на демарши

¹² Пома де Айяла Фелипе Гуаман (1551–1615) – индейский хронист, переводчик, автор иллюстрированной хроники, отражающей взгляд индейцев на прошлое Перу и испанское завоевание.

противника, «рисуночное письмо», или «пиктография», обрело собственную жизнь, продолжаящуюся и до наших дней. Для иезуитских мыслителей рисунки были важным аргументом в дискуссиях.

Спору нет, изображение объектов окружающего мира присутствует в некоторых системах письма. Даже наш собственный алфавит, происходящий от финикийского, основан на рисунках: например, буква А происходит от изображения головы быка, а N – от изображения змеи. Небольшой процент китайских письменных знаков связан с реальным миром, как, например, знак *shan* «гора», который изначально изображал гору с тремя пиками. Рисунки использовались писцами различными способами, чтобы создать письменность, но ни сейчас, ни когда-либо в прошлом не существовало чисто пиктографической системы письма. Почему же? Потому что, как заметил лингвист Джордж Трагер, рисунки сами по себе не могут передать все возможные высказывания в языке [14]. Попробуйте, например, передать рисунком предложение типа «Я считаю, что метафизика невыносимо скучна» – нет даже уверенности, что рисунок этот будет интерпретирован одинаково (в тех же словах) двумя различными наблюдателями.

Мы не можем говорить о письменности, пока не говорим о языке. Чтобы понять, как можно создать систему письма, дабы сделать возможным запись любого языкового высказывания и его чтение, не допускающее двоякого понимания, мы должны увидеть, как работают конкретные языки.

Одна из немногих наград, которые я получал в своей жизни, относится к временам, когда я был учеником церковной школы и выиграл приз за знание Закона Божьего. Это была «Книга тысячи языков», выпущенная Американским библейским обществом [15], которую я храню до сих пор. В ней не только перечислены и описаны все языки, на которые переведена Библия короля Якова, но и приведены факсимильные примеры переводов первых четырех стихов Евангелия от Марка на разные языки в соответствующей этим языкам орфографии. Это была моя первая встреча с одним из аспектов антропологической науки, и она заронила во мне пожизненный интерес к иностранным языкам и письменностям.

В мире более тысячи языков; не считая диалектов, обычная оценка составляет от 2500 до 4000 – Вавилонская башня была, как видно, громаднейшим зданием! Каждый язык состоит из диалектов, которые взаимно понятны, хотя иногда и с трудом. Сегодня значение слова «диалект» искажено частым использованием в прессе и обыденном словоупотреблении. Худший пример этого – обозначение различных языков, на которых говорят в Китае (севернокитайский, он же мандаринский, шанхайский и кантонский) и которые ошибочно называют диалектами. Хотя все эти языки тесно связаны, разговорный севернокитайский столь же непонятен для говорящего на кантонском языке таксиста в Гонконге, как язык голландца для своего коллеги в Нью-Йорке. Еще один пример: в течение многих лет «New York Times» настаивала на том, что коренные народы Нового Света, будь то хопи, астеки или инки, говорили только на «диалектах». По-видимому, редакторы считали, что американские индейцы не способны общаться на таких же зрелых языках, как европейские.

Ученые XVIII и XIX веков привели развалины Вавилонской башни в определенный порядок, когда обнаружили, что некоторые языки произошли от общего предка. Самый частый пример – слово «папа». В английском это *father*, в греческом *pater*, в латинском *pater*, во французском *père*, в немецком *Vater* – все это когнаты, или родственные слова. Уже более двух столетий назад филологи установили, что большинство языков Европы восходит к одному предковому языку; другие потомки того же древнего праиндоевропейского языка – санскрит и персидский. Это произошло незадолго до того, как американские ученые, такие как Джон Уэсли Пауэлл, однорукий герой сражения при Шайло и основатель Бюро американской этнологии США, обнаружили, что языки коренных американцев могут быть аналогичным образом объединены в семьи. Приведем только один пример: атекский, или науатль, был частью

обширной юто-астекской семьи, которая до появления европейцев была распространена от Орегона до Панамы.

В то время как филологи занимались классификацией языков в более крупные объединения, лингвисты разделяли их, чтобы посмотреть, как они работают.

На низовом уровне анализа язык состоит из набора звуков, изучением которых занимается *фонетика* или *фонология*, – поклонники Бернарда Шоу сразу вспомнят героев «Пигмалиона». Фонема определяется как наименьшая различительная звуковая единица языка. Чтобы проиллюстрировать это, возьмем избитый пример трех английских слов *pin*, *bin* и *spin*. Бибиальный (губно-губной) согласный в начале слова *pin* явно отличается от такового в слове *bin* – один глухой, а другой звонкий, и значение меняется в зависимости от того, какой из них используется. Таким образом, *p* и *b* являются отдельными фонемами. С другой стороны, *p* в слове *spin* и *p* в *pin* для образованного фонолога звучат по-разному, но из их распределения ясно, что они различаются в зависимости от окружения (то есть от соседних звуков) и, таким образом, являются вариантами одной и той же фонемы.

По количеству фонем языки отличаются весьма значительно. В английском языке, по мнению профессора Джона Дефрэнкиса, их около 40, что находится в среднем диапазоне [16]. На нижнем конце диапазона находятся гавайский и японский языки, в которых по 20 фонем, а на верхнем – некоторые малые языки Юго-Восточной Азии, такие как язык белых мяо¹³ с 80 фонемами (57 согласных, 15 гласных и 8 тонов).

Любой, кто учил латынь, французский или иной иностранный язык, хорошо знает, что языки состоят не только из звуковых паттернов¹⁴ (или произношения), но и из правил, по которым строятся слова и предложения; их изучает *грамматика*. *Морфология* имеет дело с внутренней структурой слов, а *синтаксис* – с отношениями между словами в структуре предложения. Наименьшей значимой единицей является *морфема*, состоящая из одной или нескольких фонем. Посмотрим на английское слово *incredible*: *in-*, *-cred-* и *-ible* – это составляющие его морфемы. Или слово *trees*, которое морфологически раскладывается на корень *tree* и показатель множественного числа – *s*. Подобное наблюдается и в русском языке. К примеру, слово *невероятный* состоит из морфем *не-* (приставка), *-вероят-* (корень), *-н-* (суффикс) и *-ый* (окончание). Или слово *леса*, которое морфологически раскладывается на корень *лес-* и показатель множественного числа (окончание) – *-а*.

Во времена, когда лингвисты ошибочно полагали, что языки мира можно систематизировать по принципу развития от «примитивных» к «цивилизованным», они начали классифицировать их в соответствии с их морфологией и синтаксисом. Хотя идея о том, что языки могут быть распределены по эволюционной шкале, такая же чепуха, как и дискредитированная «наука» френология, эта грамматическая классификация по-прежнему полезна, поскольку указывает на тип образования языка.

В *изолирующих*, или *аналитических*, языках слова морфологически не членятся, а структура предложения определяется порядком слов, их группировкой и использованием определенных грамматических слов или частиц. К изолирующим языкам относятся китайские языки, а также вьетнамский.

Агглютинативные языки последовательно, одну за одной объединяют морфемы в тело отдельных слов, причем каждая морфема имеет одну грамматическую функцию. Турецкий является прекрасным примером этого языка: его сложные слова формируются, как поезд в железнодорожном депо – от корня (локомотив), за которым следует цепочка суффиксов (вагонов). Например, слово *evlerda* («дома») можно разбить на *ev-* («дом»), *-ler* (суффикс мно-

¹³ Этнорегиональная группа народов мяо, обитающая во Вьетнаме, Китае, Лаосе и Таиланде, которую сейчас принято называть белые хмонг.

¹⁴ В лингвистике – звуковой образец, модель.

жественного числа) и – *da* (суффикс дательного падежа). Науатль – лингва франка империи астеков – является еще одним таким примером: словосочетание *nimitztlazohtla* (нимицтла-сотла) построено из *ni-* (я), *mitz* (ты – объект), *tlazohtla* (корень неплюрализованного глагола «любить») и означает «я люблю тебя!». Шумерский язык, для которого была разработана самая древняя письменность в мире, тоже был агглютинативным.

Во флективных языках форма слова изменяется для обозначения всех различий – таких как время, лицо, число (единственное, множественное и т. д.), род, наклонение, залог и падеж. Индоевропейские языки – яркий пример флективных языков, как может вспомнить любой, кто изучал латынь с ее сложной системой падежей, склонений и спряжений. Индоевропейская семья необычна среди других языковых семей мира тем, что в ее языках большое внимание уделяется различиям по роду. Языки, которые не только различают пол тех, кого обозначают местоимения, но распределяют существительные по таким категориям, как мужской, женский и даже средний род, крайне редки. Сексизм такого рода неизвестен в атекском или в майяских языках.

Немногие языки идеально вписываются в эту классификацию. В английском, например, представлены черты всех трех типов. Так, английский язык может считаться изолирующим, поскольку использует исключительно порядок слов для выражения грамматических различий; например, *John loves Mary* («Джон любит Мэри») против *Mary loves John* («Мэри любит Джона»). У него есть черты агглютинативного: например, в слове *manliness* корень *man-* («человек»), – *li-* (словообразовательный суффикс прилагательных), – *ness* (словообразовательный суффикс абстрактных существительных) – значение слова «мужественность». К тому же английский – язык флективный, как видно из формирования множественного числа слов *man/men*, «человек/люди» или *goose/geese*, «гусь/гуси». Хотя языки майя являются преимущественно агглютинативными, они демонстрируют похожее смешение языковых типов. В отличие от английского, в русском языке грамматические различия выражаются при помощи падежей.

Заемствования случаются не только между культурами, но и между языками по разным причинам. Самая частая причина – завоевание. Можно вспомнить роман Вальтера Скотта «Айвенго», где обсуждается приток французских слов в англосаксонский язык после норманнского завоевания 1066 года, что привело к формированию основ английского языка.

Слова могут быть усвоены через подражание, а не только в случае прямого заимствования. Если взглянуть на деловые, научные и развлекательные страницы любой современной итальянской газеты, можно найти множество слов, полностью заимствованных из английского («менеджер», «персональный компьютер», «стресс» и «стиль жизни») и инкорпорированных в прекрасные итальянские синтаксические структуры. Английский же язык на протяжении веков был открыт для такого рода заимствований даже из мертвых языков. Вместе с тем существуют языки и крайне невосприимчивые к лексическим заимствованиям, прежде всего китайский, который предпочитает сочинять для незнакомых предметов новые слова из старых. Когда в Китае появилась паровая железная дорога, ее назвали *huo-che* – «огненная повозка».

Изучение заимствований является самостоятельной и чрезвычайно интересной наукой, поскольку она описывает культурные контакты, имевшие место в прошлом, и лингвисты могут реконструировать определенные факты культур или жизни обществ, которые взаимодействовали друг с другом в отдаленные периоды. Если языки имели письменность, это облегчает задачу, хотя порождает иногда не только решения, но и загадки. Так, в самой древней из всех письменностей, шумерской, запечатленной на глиняных табличках, названия городов (включая упомянутый в Библии Ур Халдейский) и большинства важных профессий, которые существовали почти пятьдесят веков назад в южной Месопотамии, даны не на шумерском или любом из соперничавших с ним семитских языков, а на неведомом языке. Это говорит о том, что шумеры не были коренными жителями региона, а переселились и позаимствовали эти

слова у каких-то неизвестных людей, которые были настоящими автохтонами Междуречья [17].

Серьезное изучение систем письма, в отличие, скажем, от изучения конкретных видов письма или каллиграфии, сравнительно молодо, это своего рода приемный ребенок лингвистики. Полагаю, причина в том, что в XIX веке еще не было известно достаточного количества различных письменностей для полноценного сравнения. Казалось бы, лингвисты должны были заинтересоваться письмом довольно рано, но целое поколение ученых, особенно в Соединенных Штатах, придерживалось мнения, что важен устный, а не письменный язык, а письменности недостойны внимания. Возможно, сыграло свою роль и общепризнанное отсутствие соответствия между современным устным и письменным английским языком. К счастью, все изменилось.

Но было и еще одно препятствие на пути к лучшему пониманию письменности – эволюционизм. Дарвиновский взгляд на природу, восторжествовавший в западной науке после публикации «Происхождения видов» в 1859 году, имел свои последствия и в зарождающейся области антропологии, в которой доминировали сэр Эдвард Тайлор и американский юрист Льюис Генри Морган, ученые-титаны XIX века. Морган и Тайлор считали, что все общества и культуры должны, в точности как существа и растения природного мира, проходить через строго упорядоченную последовательность стадий, начиная с «дикости» (то есть охоты и собирательства) через «варварство» (то есть земледелие и скотоводство, с родовой организацией) к «цивилизации» (естественно, это мы, наше современное общество с его государственной или территориальной организацией). По их мнению, некоторые народы, такие как австралийские аборигены, все еще увязли на стадии дикости, а другие, например, пуэбло на американском юго-западе – на стадии варварства, но, имея достаточно времени, все в конечном итоге придут к нашему просвещенному миру.

Какой восхитительно самодовольный викторианский взгляд!

К сожалению, этот гиперэволюционизм сковал своими теоретическими цепями немало ученых, которые писали о письменности, – при том что лингвисты уже отбросили давно устаревшее разделение на «примитивные» и «цивилизованные» языки. Так, майянист Сильванус Морли под влиянием Тайлора предложил три эволюционные стадии предполагаемого развития письма [18]:

– стадия 1: пиктографическое письмо, в котором объект или идея передаются рисунком, изображением или чем-то подобным; сам рисунок не подразумевает ничего, кроме того, что изображено;

– стадия 2: появляется идеографическое письмо, в котором идея или объект записываются знаком, не имеющим с ним никакого сходства или имеющим сходство весьма отдаленное; китайское письмо, которое приводит в пример Морли, – худший из возможных вариантов, который он мог выбрать для иллюстрации;

– стадия 3: появляется фонетическая письменность, в которой знаки теряют всякое сходство с исходными изображениями объектов и обозначают только звуки; изначально появляются слоговые знаки (Морли ссылается на другой ошибочный пример – египетскую иероглифику), а позже и алфавитные (финикийский, греческий).

Так говорил Морли.

Всё выше, и выше, и выше! Да здравствует прогресс! У нас есть фонетическое письмо и алфавит, а они, все эти дикари, варвары и китайцы, ни того, ни другого не имеют. Поистине утешительная идея, которая завладела разумом двадцатого века.

Так вот, в этой схеме так много ошибочного, что трудно понять, с чего начать ее оспаривать. Во-первых, как мы уже видели, не существует и никогда не существовало такой вещи, как чисто пиктографическая система письма, хотя изображения реальных объектов и их частей используются в некоторых письменностях. Во-вторых, идеальной идеографической письмен-

ности тоже не существует. И, наконец, *все известные системы письма являются частично или полностью фонетическими и выражают звуки определенного языка*.

Гораздо более изощренная и лингвистически обоснованная схема появилась из-под пера Игнаса Гельба, чья книга «Опыт изучения письма» [19] долгое время была единственной детальной работой на эту тему¹⁵. Гельб, специалист по языкам и письменностям Ближнего Востока, профессор Восточного института Чикагского университета, был одним из дешифровщиков анатолийского («хеттского») иероглифического письма, что по праву принесло ему одно из первых мест в любом эпиграфическом зале славы. Но в построениях Гельба была слабая сторона. Его схема, столь же гиперэволюционистская, как и у Морли, начинается с призрачного «рисуночного письма» и переходит через такие системы, как шумерская и китайская (подробнее об этом позже), к слоговому письму и к алфавиту. Гельб называет этот сюжет «завоевание мира алфавитом» – даже китайцы с их старомодным и неуклюжим письмом должны были, по его мнению, когда-нибудь смириться с неизбежным и начать писать при помощи алфавита.

Я встречался с Гельбом лишь однажды, много лет назад, в залах Восточного института и не могу назвать его расистом. Однако его книга совершенно определенно заражена этим злоецим вирусом нашего времени. Похоже, для Гельба было немыслимо, что не белые люди могут когда-нибудь самостоятельно изобрести письменность фонетической природы. С одной стороны, он отказал китайцам в изобретении их собственного письма, утверждая на совершенно нереальных основаниях, что оно было заимствовано с его любимого Ближнего Востока (то есть от шумеров); с другой стороны, он настаивал на том, что ни один народ Нового Света, включая майя, не обладал интеллектуальной способностью писать фонетически, за исключением редких случаев для выражения имен (например, топонимов в астекских рукописях). Фактически Гельб отвел для майя место на самых нижних ветвях эволюционного древа. Такое отношение к мыслительным способностям целого народа затормозило дешифровку письменности майя почти на столетие.

Какие же виды систем письма были созданы людьми и как они работают? Если оставить в стороне семасиографию, которая, как мы помним, сама по себе не может быть работоспособной письменностью, у нас остаются системы, которые действительно передают высказывания на конкретном языке, будь то китайский или греческий. Эти системы письма могут быть разделены на логофонетические, слоговые и алфавитные.

Джейн Остин написала книгу «Разум и чувства» («*Sense and Sensibility*»), а книгу о полноценных письменностях можно было бы назвать «Смысл и звук» («*Sense and Sound*»), поскольку каждая визуальная система коммуникации, связанная с речью, имеет два измерения: *логографическое*, или измерение смысла или значения, и *фонетическое*, или измерение звука. Письменности различаются по степени важности того или иного измерения. Например, современные алфавитные письменности в значительной степени склоняются к письму фонетическому, но самая ранняя форма древнейшей письменности в мире, шумерская, являлась преимущественно логографической.

Чтобы быть еще более точным, шумерское письмо, записанное на глиняных табличках, является *логофонетическим*¹⁶, как *китайское и египетское*. Этот термин означает, что *семантический элемент выражен логограммами* (слово образовано от греческого *logos* – «слово» и *gramma* – «что-то написанное»). *Логограмма* – это письменный знак, обозначающий одну морфему или (реже) целое слово. Если бы письменные предложения состояли только из логограмм, чего никогда не бывает, это была бы чистая семасиография и потенциальный читатель никогда не понял бы сообщение правильно. Но около 5000 лет назад шумерский писец

---

¹⁵ Эта книга Гельба издана на русском языке. См.: Гельб И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматиологии). М.: Радуга, 1982.

¹⁶ В отечественной науке в соответствии с терминологией, предложенной выдающимся востоковедом И. М. Дьяконовым, такие системы письма называются *логосиллабическими*, или *словесно-слоговыми*.

нашел способ устранить двусмысленность, присущую семасиографии: он решил дополнить или уточнить логограммы с помощью знаков чисто фонетической природы.

Шумерский был преимущественно односложным языком, и поэтому наполнен омонимами – словами различного значения, но одинакового звучания. Поэтому, когда писец начал использовать фонетические знаки для написания слов, возникла возможность двоякого понимания. Чтобы решить эту дилемму, писец дополнил такие знаки логограммами, именуемыми *детерминативами* — нечитаемыми знаками, указывающими или определяющими общий класс явлений, к которому принадлежит названный объект. Например, имена всех шумерских божеств на табличках сопровождаются звездочкой или знаком звезды, указывая читателю, что такое имя действительно является именем сверхъестественного существа.

Изучение шумерской письменности показывает, что логофонетические системы представляют собой сложную смесь логограмм и фонетических знаков. Откуда же писцы брали вторые знаки? Они решили эту задачу, открыв ребусный принцип.

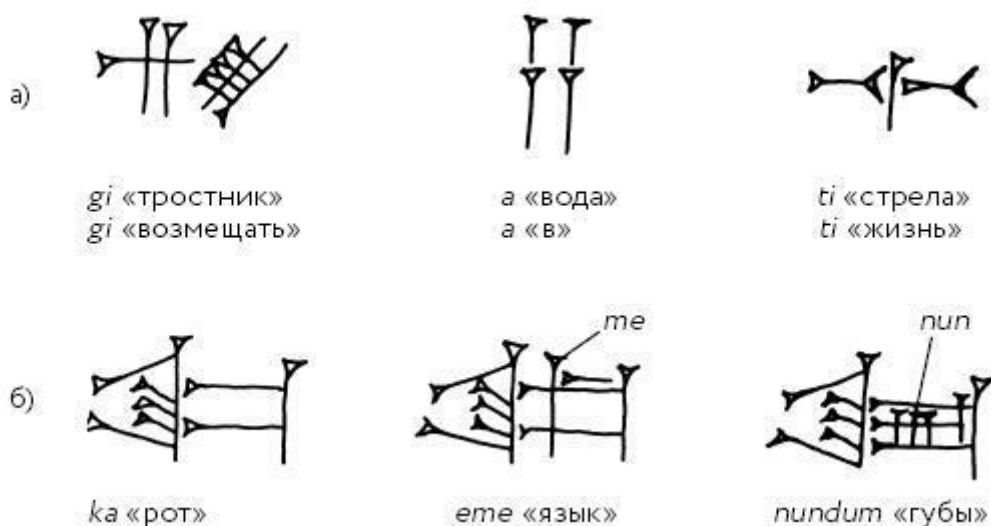

Рис. 3. Некоторые принципы шумерской клинописи: а) использование ребусного принципа для выражения абстрактных понятий; эти знаки изначально были пиктографическими; б) использование фонетических дополнений для выражения шумерских слов, концептуально связанных с логограммой **ka** «рот».

Что такое ребус? В Оксфордском словаре английского языка я обнаружил, что это слово пришло к нам из Франции, но первоначально оно было латинским. Это форма дательного падежа множественного числа от латинского слова *res* «вещь, предмет» и переводится «о вещах» («вещами» или «с помощью вещей»). Давным-давно клерки юристов из французской Пикардии давали сатирические представления под названием *de rebus quae geruntur* («о вещах, которые происходят»), включавшие загадки в виде рисунков. В течение последних двух веков ребусы использовались в английских и американских детских книгах как тесты на сообразительность. Ребус или головоломку можно видеть в записи фразы “I saw Aunt Rose” («я видел тетю Роуз») при помощи рисунков глаза (eye, звучит так же, как I), пилы (saw, звучит так же, как глагол), муравья (ant, звучит так же, как Aunt) и розы (rose, звучит так же, как имя тети). То есть в приведенном примере трудно изобразить, например, сиблинга¹⁷ женского рода, но

¹⁷ Сиблинги (от англ. siblings) – термин, используемый в социальной антропологии для обозначения детей одних родителей.

можно использовать омоним и нарисовать существо из реального мира, в данном случае муравья. Это то, что делали первые шумерские писцы, и то же самое – древние писцы повсюду.

Второй основной тип систем письма – письмо *слоговое*. Еще в начальной школе, если мы помним, нас просили записать свое имя по слогам, потому что все языки имеют слоговую структуру. Наиболее распространенными являются слоги структуры «согласный с последующим гласным» (СГ, в лингвистическом сокращении) и сочетания «согласный – гласный – согласный» (СГС). Возьмем слово *силлабарий*, которое может быть разложено на цепочку слогов типа СГ и СГС: *сил-ла-ба-рий*. Слово *шип* является примером одного слога типа СГС. Во многих частях мира и в разные эпохи были разработаны чисто слоговые письменности, каждый знак которых обозначает определенный слог (часто типа СГ). До дешифровки микенского линейного письма Б, древнейшей греческой письменности, самый известный пример полного силлабара – слоговое письмо, созданное вождем индейцев чероки Секвойей, отчасти вдохновленным алфавитом белых американских соседей. Система Секвойи включает восемьдесят пять знаков, и лингвисты высоко ценят ее за точное отражение фонологии чероки; она все еще используется среди чероки в газетах и религиозных текстах.

Рис. 4. Силлабарий чероки Секвойи.

Силлабарии типа СГ были изобретены не единожды, например, в XIX веке – миссионерами для записи языков коренных народов Северной Америки, таких как инуиты¹⁸. Некоторые языки легко поддаются такой обработке, некоторые – сложнее, а некоторые совсем не поддаются. Если выстроить по этому принципу некую шкалу, то на ее верхнем крае находится

¹⁸ Эта письменность была впервые разработана для языка кри методистским миссионером Дж. Эвансом (1801–1846). – прим. автора.

¹⁹ Этническая группа коренных народов Северной Америки, проживающая на северной территории Канады от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи; входит в более многочисленную группу народов севера, называемой «эскимосы».

японский язык с его преимущественно слоговой структурой типа СГ (*са-ши-ми*, *Йо-ко-га-ма* и т. д.), и такая письменность была разработана японцами еще в европейские Темные века. На другом конце находятся такие языки, как английский, с частыми сочетаниями согласных. Например, город Скрантон в Пенсильвании, возможно, должен выглядеть в слоговой записи как *Су-ку-ра-на-то-н* (*о*), где в последнем слоге звук *о* опущено.

Обратимся теперь к третьей системе письма – *алфавитной*. Теоретически в алфавитных письменностях речевые высказывания разбиваются на согласные и гласные фонемы. Как и многие другие важные элементы нашей цивилизации, эта система была изобретена греками в IX веке до н. э. За основу греки взяли финикийскую систему письма, которая использовалась торговцами и мореплавателями. Будучи семитами, финикийцы игнорировали гласные, так как для формирования слов в семитских языках (включая арабский и иврит) согласные более важны, чем гласные. Для греков этого было недостаточно: в их письме должны были быть гласные, чтобы сделать запись понятной как для читателя, так и для автора. Поэтому некоторые финикийские буквы, которые обозначали согласные звуки, отсутствующие в греческом языке, греки использовали вместо гласных [20]. Так родился алфавит.

От греков алфавитное письмо перекочевало к этруским и римлянам в Италию, а затем в остальную часть Европы и Средиземноморья. В период европейского колониализма в Новое время ему было суждено распространиться по всему миру. Но вряд ли это было «завоевание», о котором писали некоторые ученые: логофоническое письмо продолжает активно использоваться китайцами и японцами, составляющими значительную часть человечества.

Гиперэволюционисты, тот же Игнас Гельб, рассматривали алфавит как вершину развития письменности и не могли понять, почему китайцы цепляются за свой якобы громоздкий и устаревший способ письма. При этом оставалось в стороне простое соображение, что ни одна письменность, за исключением искусственных, разработанных лингвистами для профессиональных целей, не является идеальной – в том смысле, что не передает все важные оттенки языка. То, что опущено на письме, часто может быть заполнено читателем, исходя из контекста. Взять, к примеру, письменный английский, в которых обычно игнорируются ударение и интонация, хотя они очень важны в речи. То же самое происходит и в русской письменной речи. Сравните «Я люблю тебя» с «Я люблю **тебя**» (а не кого-то еще) или с «**Я** люблю тебя» (я тот, кто любит тебя).

Другая особенность английского алфавитного письма, которую некоторые критики и потенциальные реформаторы, такие как Бернард Шоу, считали недостатком, заключается в том, что один и тот же звук часто передается на письме несколькими буквами или буквенными группами. Рассмотрим группу слов с одинаковым произношением, например, *wright: write: right: rite*. Подобное явление американские лингвисты называют *поливалентностью знака*²⁰; это явление присутствует в системах письма всего мира – и в логофонетических, и в слоговых, и в алфавитных, как наша.

Логофонетическое, слоговое, алфавитное письмо – три великих класса систем письма. Большинство ученых, которые первыми начали заниматься объяснением или дешифровкой древних письменностей, не осознавали важности этой типологии. Утверждая, что египетские иероглифы были идеограммами, Кирхер и его современники путали логофонетическое письмо с семасиографией; столетием ранее брат Диего де Ланда, епископ Юкатана, сам был введен в заблуждение, решив, что письмо майя было алфавитным, а не логофонетическим. Реальная дешифровка этих логофонетических систем случилась только тогда, когда сложное переплетение присущих им семантических и фонетических элементов стало полностью понятным.

²⁰ В отечественной лингвистической традиции подобное явление принято называть *омофонией*.

Если бы Афанасий Кирхер получил представление об истинной природе китайской письменности от своих собратьев-иезуитов, бывших миссионерами в Поднебесной, он мог бы избежать «мифа об иероглифе», сковавшего его пылкий ум. Подобно египетским иероглифам, неудачная дешифровка которых подорвала посмертную репутацию Кирхера, китайская письменность является логофонетической, а не идеографической или алфавитной. Но европейцы эпохи Возрождения и Просвещения продолжали рассматривать китайское письмо в качестве еще одной чудесной идеографической системы, полной древней мудрости, передающей идеи непосредственно, без вмешательства языка.

Поскольку китайская письменность [21] и производная от нее японская являются живыми системами письма и ежедневно используются сотнями миллионов людей, обе они дают прекрасные примеры того, как принципы логофонетического письма работают в действительности. Так, китайский представляет собой набор тесно связанных языков (как мы уже говорили, ошибочно называемых диалектами). Это изолирующие языки, с минимумом грамматики, и слова всегда состоят из одной или не более двух однослоговых морфем и морфемных частиц, иногда выступающих в роли суффиксов. Каждой отдельной морфеме в китайском языке соответствует письменный знак (иероглиф). Более того, фонеморазличающими признаками являются и тоны – четыре в севернокитайском, на котором говорят три четверти населения, и целых девять в кантонском.

Сколько же знаков в китайском языке? Великий словарь Канси²¹, завершенный к 1717 году, включает не менее 40000 иероглифов, но 34000 из них являются «чудовищами и бесполезными дублерами, созданными изобретательными учеными». И хотя в больших современных китайских словарях до сих пор насчитывается около 14000 таких знаков, общепризнано, что только около 4000 широко используются.

Рис. 5. Формирование китайских сложных знаков. Детерминатив «вода» был добавлен к фонетическому знаку.

Как же миллионам китайских детей удается хранить в своем мозгу так много разных знаков? В конце концов, использующие алфавит носители английского языка должны выучить всего-то 26 букв. Ответ заключается в том, что китайское письмо, как и все другие логофонетические письменности, известные ученым, на самом деле очень фонетическое, но включает сильную семантическую составляющую.

подавляющее большинство знаков формируется путем объединения логограммы (то есть семантического знака) с фонетическим элементом, или *фонетиком*. Синолог Джон Дефрэнкис подсчитал, что к XVIII веку около 97 процентов знаков относилось к этой категории [22]. *Фонетики* составляют большой и неупорядоченный силлабарий, в котором каждый слоговый знак соответствует морфеме. В одном современном китайско-английском словаре 895 таких

²¹ Словарь Канси – словарь китайского языка, составленный между 1710 и 1716 годами в правление императора Сюаньэ, или Канси (1661–1723). В словаре разъясняется значение 47 035 отдельных иероглифов, среди которых множество архаичных, сгруппированных по 214 ключам (эта система используется и сегодня), а также почти 2000 их графических вариаций.

элементов, обычно занимающих правые или нижние две трети иероглифа. Слева или сверху находится нечитаемый детерминатив, называемый синологами радикалом или ключом. В то время как фонетик указывает на общее звучание слога, детерминатив (как в шумерском и египетском) говорит об общем классе явлений, к которым принадлежит названный объект. Один детерминатив применяется к растениям в целом, другой относится к предметам, связанным с водой, третий – к предметам из дерева и так далее. Всего насчитывается 214 детерминативов.

Остальные иероглифы являются чистыми логограммами и включают те знаки (первоначально рисуночные, если вернуться к началу истории Китая), из которых по принципу ребуса были получены фонетики. Многие такие знаки нацарапаны на гадательных костях династии Шан²² на заре китайской цивилизации, и, поскольку они изображают объекты реального мира (знак «лошадь» выглядит как лошадь, знак «луна» или «месяц» как полумесяц и т. д.), предполагалось, что китайская письменность возникла как рисуночное письмо, или пиктография. Но все было с точностью до наоборот: с самого начала китайские книжники использовали эти изобразительные знаки для передачи звучания.

Эта система намного проще для освоения, чем выглядит на первый взгляд. Конечно, китайские языки значительно изменились за многие столетия, прошедшие с момента создания и разработки их письменности, да и принцип фонетизма иногда создает проблемы для сегодняшнего читателя, но Дефрэнкис подсчитал, что если запомнить произношение основных 895 элементов, то в 66 процентах случаев можно догадаться, как звучал знак, с которым столкнешься при чтении современного текста [23].

Для исследователей цивилизации майя изучение логофонетической японской письменности [24] еще более поучительно. Я не раскрою секрета, сказав, что, хотя никакой связи между японской и майяской письменностью нет, они удивительно похожи по структуре.

Влияние Китая на культуру Японии началось в V веке н. э., когда Китай был империей, а Япония – страной племен и небольших вожеств²³. Сначала бесписьменные японцы начали записывать все свои политические и религиозные документы на китайском языке, используя китайские иероглифы. Поскольку японский совершенно не связан с китайским языком, – это полисиллабический, флективный язык, – японские писцы столкнулись с огромной проблемой при адаптации чужой письменности к своему языку.

Решение было найдено около тысячи лет назад, когда они отобрали несколько десятков китайских логограмм на основе их звучания и, по образному выражению лингвиста Уильяма Вана, «обнажили их графически» [25]. Эти 46 знаков означают 41 слог типа СГ и пять гласных и составляют полный силлабарий, называемый *кана*.

Казалось, было бы логично, если бы писцы полностью отказались от китайских иероглифов и записывали бы информацию при помощи нового силлабария, но культурный консерватизм и огромный престиж китайской культуры не позволили японцам превозмочь это побуждение. Некоторые китайские иероглифы, что употреблялись для написания китайских морфем, были целиком заимствованы в язык, однако использовались для написания японских корневых морфем того же значения, но с другим звучанием. Это привело к тому, что поливалентность знака становилась все более и более неупорядоченной, как это имеет место быть и сегодня: часто различные китайские знаки используются для обозначения одного и того же звука, а иногда одному знаку будет соответствовать как китайское, так и местное японское произношение.

²² Шан (в российской традиции Инь) – самоназвание народа, проживавшего во II тысячелетии до н. э. на территории современной провинции Хэнань, а также династии раннего государства в Китае. Эпоха Шан сыграла важную роль в становлении китайской культуры и формировании её основных составляющих, в том числе иероглифической письменности.

²³ Вожжество – в современной антропологии догосударственная форма социально-политической организации общества, определяемая как автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя.

Начальный звук / Финальный звук	—	k	s	t	n	h	m	y	r	w		g	z	d	b	p	
a	あ	か	さ	た	な	は	ま	や	ら	わ	ん _n	が	ざ	だ	ば	ぱ	
i	い	き	し _{shi}	ち _{chi}	に	ひ	み		り	ゐ _i		ぎ	じ _{ji}	ぢ _{ji}	び	ぴ	
u	う	く	す _{tsu}	つ	ぬ	ふ _{fu}	む	ゆ	る			ぐ	ず _{zu}	づ	ぶ	ぷ	
e	え	け	せ	て	ね	へ	め		れ	ゑ _e		げ	ぜ	で	べ	ぺ	
o	お	こ	そ	と	の	ほ	も	よ	ろ	を _o		ご	ぞ	ど	ぼ	ぽ	

Рис. 6. Японский силлабрий.

Японские слоговые знаки используются двумя способами: во-первых, чтобы записать длинные грамматические окончания, которые следуют за корнями, переданными с помощью китайских иероглифов, и, во-вторых, пишутся меньшим размером после корневых иероглифов, чтобы пояснить читателю их произношение.

Таким образом, японцам удалось усвоить китайскую систему письма и приспособить ее для своего языка, создав на ее основе собственный фонетический силлабрий. Другими словами, силлабрий может спокойно сосуществовать с логограммами в сложной, но жизнеспособной системе письма. Это именно то, что мы ожидаем найти на монументах в заброшенных городах древних майя, поскольку как японская, так и древнемайяская письменность были не просто логофонетическими, а логосиллабическими.

Морис Поуп²⁴, автор одной из лучших книг по истории дешифровки, писал: «Дешифровки, безусловно, являются самыми чарующими достижениями науки. Мы ощущаем магию неизвестного письма, особенно когда оно дошло из далекого прошлого, и соответствующая слава неизбежно сопутствует человеку, который первым разгадал его тайну» [26]. Но это не просто раскрытая тайна – это ключ к дальнейшим знаниям, «открытие сокровищницы истории, в которой в течение бесчисленных веков не бывал ни один человеческий разум». Поэтично, но верно.

И что удивительно: криптографы – создатели и взломщики кодов из мира шпионажа и контрразведки – играли весьма незначительную роль в великих дешифровках древних письменностей. Я помню сообщения в американской прессе, что Уильям Фридман и его жена Элизабет получили поддержку некоего фонда для расшифровки иероглифического письма майя. Фридманы добились заслуженной славы, взломав японский военно-морской код накануне Второй мировой войны [27], и поэтому им казалось, что все предрешиено заранее и письменность древних майя для них – дело пустяковое. Из этого проекта ничего не вышло: полковник и его жена упокоились в своих могилах, не расшифровав ни единого иероглифа майя.

Достаточно взглянуть на словарное определение криптографии, чтобы понять, почему специалисты-криптографы получают столь низкие результаты в дешифровке древних письменностей. Криптография, название которой происходит от греческих слов *kryptos* «тайна» и *grapho* «пишу», – это наука о тайных коммуникациях. В зашифрованной коммуникации сообщение должно быть непонятным, и со времен итальянского Ренессанса криптографы стали изобретать все более изощренные методы, делающие их сообщение максимально нечитаемым для посторонних, за исключением тех, кто располагает специальным ключом или кодовой кни-

²⁴ Поуп Морис (1942–2019) – южноафриканский и британский лингвист. Окончил Кембриджский университет, работал в университетах ЮАР и Оксфорде. Один из крупнейших специалистов по письменности минойской цивилизации Крита, составитель корпуса надписей линейного письма А.

гой. Напротив, из доренессансного времени секретных сообщений известно очень мало: писцы были заинтересованы только в том, чтобы сделать передаваемые ими сведения разборчивыми и недвусмысленными; если же эти сведения приходилось скрывать, использовались другие средства для обеспечения безопасности каналов связи.

Еще одной причиной, по которой криптография была малополезна для дешифровки, является природа данных, с которым она традиционно работает. Открытый текст (если использовать профессиональный язык), который должен быть зашифрован или закодирован, обычно написан при помощи алфавитного письма, как, например, перестановочный алфавитный шифр, использованный героем новеллы Эдгара По «Золотой жук», или подстановочный шифр, разгаданный Шерлоком Холмсом в «Пляшущих человечках». Однако большинство древних письменностей не алфавитные, а логофонетические, как египетская, шумерская или хеттская иероглифическая. В мире телеграфии и криптографии морфемные иероглифы живых логофонетических письменностей Китая и Японии превращаются в группы из четырехзначных кодов с использованием обычных арабских цифр. Забегу вперед и скажу, что ни одна из этих процедур не работала и не будет работать с письмом майя.

Но вернемся к древнеегипетской письменности, до XVIII века тонувшей в нелепицах Афанасия Кирхера и его предшественников. Эта прославленная письменность была, наконец, дешифрована благодаря труду одного человека, Жана-Франсуа Шампольона (1790–1832), который за невероятно короткое время вывел цивилизацию долины Нила из неизвестности в историю. Поучительно взглянуть, как это произошло и как этот блестящий молодой француз преодолел интеллектуальные и человеческие препятствия, чтобы добиться успеха. Эта история – наглядный урок того, как правильно действовать, когда сталкиваешься с такой сложной системой письма, урок, который будущие дешифровщики письменности майя игнорировали, вредя сами себе, более века.

Я переиначу романтическую историю Шампольона и Розеттского камня, поставив телегу перед лошадью и раскрыв заранее решение проблемы [28].

Как правильно предположил Кирхер, коптский язык – очень поздний потомок языка фараонов, и оба они отдаленно связаны с семитскими языками Ближнего Востока и хамитскими языками Африки. Как и в семитских, согласные в египетском и коптском играют гораздо более важную роль при образовании слов, чем гласные, поэтому не удивительно, что иероглифическое письмо практически игнорирует гласные, как в еврейской или арабской письменностях. По сути мы имеем только самое схематичное представление о том, как звучали гласные в записанных египетских словах.

Изобретение иероглифической письменности произошло в долине Нила в конце IV тысячелетия до н. э. вместе с возникновением государства и, по-видимому, совпало с появлением письменности в Месопотамии. Иероглифика с самого начала была полностью логофонетической и не меняла своей природы до тех пор, пока не исчезла в начале христианской эры. Таким образом, она просуществовала тридцать четыре столетия – намного дольше, чем использовался алфавит, и почти столько же, сколько китайская логографическая система. Сторонники чудес алфавитной письменности часто называют иероглифы несуразными, но египтолог Джон Рэй [29] напоминает, что они гораздо лучше адаптированы к структуре египетского языка, чем алфавит. В частности, греческий алфавит использовался, чтобы писать по-египетски в эллинистическом и римском Египте, но результаты были совсем не впечатляющими. Кроме того, даже несмотря на то, что египетская письменность была в значительной степени монополией писцов, ее было гораздо легче выучить, чем, скажем, китайскую.

Существует три разновидности египетской письменности [30]. Во-первых, это собственно иероглифы (ошибочно названные и неверно истолкованные), которые чаще всего встречаются в монументальных надписях. Параллельно с этим были разработаны курсивные

варианты письменности, используемые в основном в повседневных целях, обычно в рукописях на папирусе. Один из них известен как *иератический*, его употребляли в жреческих текстах; другой, разработанный несколько позже, называется *демотическим* – к нему прибегали в деловых операциях. Помимо внешнего вида между ними нет существенной разницы.

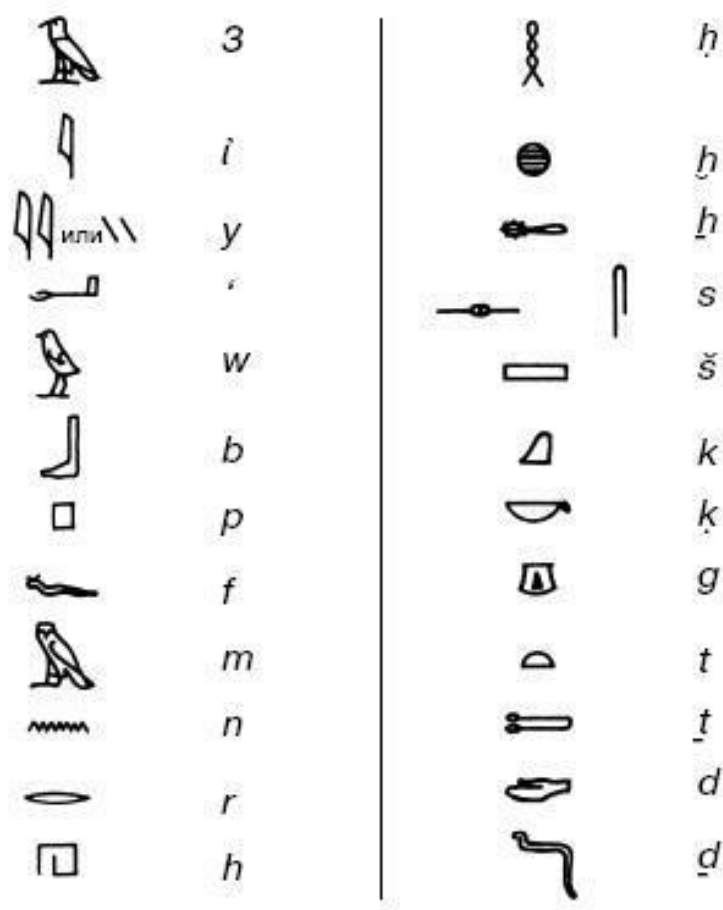

Рис. 7. Египетские фонограммы: моноконсонантные знаки.

В египетском корпусе насчитывается около 2500 отдельных знаков, но лишь небольшой процент из них использовался постоянно. Специалисты делят их на *фонограммы*, или знаки, передающие фонемы (или их сочетания), и *семаграммы* — знаки с полным или частичным семантическим референтом.

26 фонограмм являются одногласными, или моноконсонантными, передающими один согласный звук; мы столкнемся с ними позже в знаменитых царских картушах на Розеттском камне. Пока достаточно сказать, что это *не алфавит*, поскольку обычные гласные отсутствуют; можно встретить лишь несколько слабых гласных, или полукоконсонантов, например, у (*й*), но даже они часто опускаются писцом. Хотя Гельб в соответствии со своей теорией об эволюции письма настаивал на том, что это был силлабрий [31], я не знаю ни одного египтолога, который бы был с ним согласен.

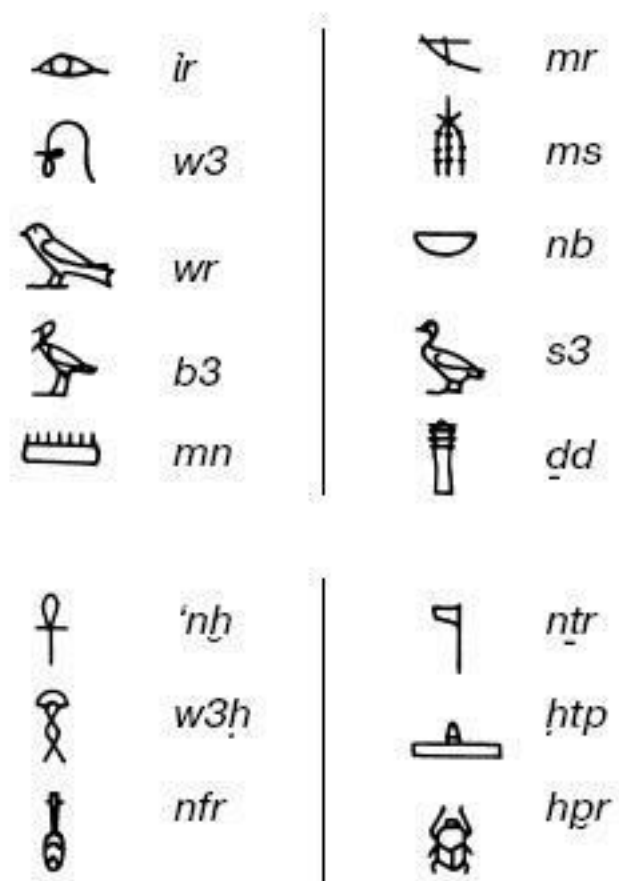

Рис. 8. Египетские фонограммы: некоторые биконсонантные и триконсонантные знаки.

К списку моноконсонантных фонограмм добавляются 84 знака, передающих два согласных, а некоторые даже три и четыре согласных. Египетские писцы, вероятно, смогли бы записать любые сведения, используя только моноконсонантные знаки, как они поступали с дикovinными иностранными именами Клеопатра и Тиберий Цезарь в поздние времена. Но они даже не пытались это делать – так же, как грамотные японцы не отказывались полностью от китайских иероглифов в пользу чисто слогового письма (*кана*), кроме как при записи иностранных имен и слов.

Семаграммы («значащие знаки») – по крайней мере многие из них – на самом деле являются логограммами, то есть словами, записываемыми при помощи изображения обозначаемого объекта. Например, знак в виде солнечного диска – это *Re'* «солнце» или «бог солнца», а план дома – это *pr* «дом». Часто после фонетических знаков ставятся детерминативы. Их около сотни, и они указывают, к какому классу относится слово. Так, бог, сидящий в профиль, указывает на то, что данное слово – имя божества; связанный папирусный свиток – абстрактная идея; круг, разделенный на четыре части, – город или страна и т. д. Как и в случае с их аналогами в китайской иероглифике и месопотамской клинописи, детерминативы были нечитаемыми спутниками фонетических знаков.

И, наконец, в записи обычно присутствуют маленькие вертикальные полоски, играющие очень важную роль: одна полоска под знаком означает, что это логограмма, две полоски указывают на двойственность, а три – на множественное число.

Как и во всех подобных системах, в египетском языке присутствует определенная поливалентность знака: знак может использоваться в качестве как фонограммы, так и семаграммы (например, знак «гусь» может обозначать биконсонантный *z* или детерминатив «птица»), но в

целом письменность удивительно практична и лишена двусмысленности. Этому способствует то, что многоконсонантные знаки часто сопровождаются фонетическими подтверждениями, взятыми из моноконсонантного списка: к примеру, слово *hetep* «жертва» состоит из знака *htp*, после которого идут знаки *t* и *p*.

Итак, при рассмотрении структуры египетского письма мы вновь имеем дело со сложным дуэтом, включающим звучание и значение, как это было с дальневосточными письменностями: египетская иероглифика не просто *логофонетическая*, а *логоконсонантная*. Однако и другие – внеязыковые – факторы играли свою роль для писцов долины Нила. Каллиграфические соображения – иными словами, понятие красоты письменности – нередко приводили к тому, что порядок слов и отдельных знаков менялся по сравнению с нормативным (как мы помним из Геродота, египетское письмо обычно читалось справа налево). Между изображением и текстом у египтян всегда существовала теснейшая связь, что было уникальным для Старого Света. Именно потому публичные тексты, по крайней мере те, которые появляются на таких монументах, как гранитные обелиски, удивительно немногословны и часто довольно формульны. Нильский путник сталкивался бы с аналогами шеллиевского «Я – Озимандия, я – мощный царь царей!»²⁵ снова и снова!

Шампольон был подлинным Геркулесом интеллекта [32]. Поразителен факт, что бо́льшая часть его великой дешифровки потребовала всего лишь два года. Родившись в Фижаке на юге Франции, к семнадцати годам Шампольон был уже признанным экспертом в восточных языках, особенно в коптском, и отправился в Париж, чтобы совершенствовать свои познания в персидском и арабском. К 1814 году, когда ему было всего двадцать четыре года, он выпустил два тома о коптских топонимах долины Нила, которую он, кстати, не видел до тех пор, пока его великая дешифровка не завершилась.

В середине XVIII века французский аббат Жан-Жак Бартеlemi догадался, – и совершенно справедливо, – что овалы на египетских памятниках, так называемые картуши, могут содержать имена царей, но никаких доказательств тому не привел. В 1798 году группа выдающихся ученых, сопровождавшая наполеоновскую армию, вторгшуюся в Египет, обнаружила, должно быть, самый знаменитый кусок камня в мире – Розеттский камень [33]. На лицевой стороне его было три параллельных текста: греческий (в котором среди прочего говорилось, что надпись одна и та же во всех трех версиях), демотический и сильно поврежденный иероглифический. Немедленно были сделаны копии, разосланные заинтересованным ученым, – замечательный пример научного сотрудничества, принимая во внимание те бурные времена.

Началась великая гонка за первенство по дешифровке иероглифов, в чем-то напоминающая высококонкурентные научные исследования 1950-х годов, которые привели к открытию двойной спирали молекулы ДНК, или «лунную гонку». При этом большинство исследователей считали, что демотическая надпись должна быть написана каким-то алфавитом, тогда как иероглифы безусловно являлись чисто символическими знаками – вот оно, мертвящее влияние кирхерианских идей!

К 1802 году два первоклассных востоковеда – граф Сильвестр де Саси во Франции и шведский дипломат Йохан Окерблад²⁶ сумели прочесть имена «Птолемей» и «Александр» а также остальные неегипетские личные имена и слова в демотическом тексте. Птолемей были чужеземцы, македонские греки, поставленные во главе Египта Александром Великим, и указ, записанный на Розеттском камне, как это впоследствии выяснилось, был издан в 196 году до н. э. Птолемеем V, вероятно, даже не говорившим по-египетски.

²⁵ Сонет английского поэта Перси Биши Шелли (1792–1822) «Озимандия», вдохновленный описанием статуи Озимандиса (Рамсеса II) у Диодора Сицилийского, был переведен на русский язык К. Бальмонтом.

²⁶ В российской традиции его обычно называют Давид Окерблад.

Следующим, кто попробовал свои силы на Розеттском камне, был английский ученый-энциклопедист Томас Юнг. Врач и физик, в 1801 году он открыл причину астигматизма и волновую теорию света, филолог и востоковед – ввел понятие «индоевропейские языки». Его фундаментальный вклад в науку не вызывает сомнений, но работа Юнга над египетской письменностью представляет собой удручающую смесь правильных попаданий и непростительных промахов. Тем не менее именно Юнг осознал, что демотический текст полон знаков, которые не могли быть чисто фонетическими или алфавитными, и понял, что демотика и иероглифика были лишь двумя формами одной и той же системы письма. Он вычленил слово «Птолемей» в демотическом тексте и нашел его эквивалент в картушах, выделенных Бартеlemi. Так благодаря госпоже Удаче он верно определил пять из семи моноконсонантных фонограмм (р, t, m, i и s) – и все же не продвинулся дальше. Вплоть до своей смерти в 1829 году Юнг упрямо цеплялся за мысль, что, хотя имена в картушах несомненно записаны фонетически, это, вероятно, объясняется тем, что так египтяне передавали только иностранные имена, а остальные иероглифы были своего рода кирхерианскими символами.

По иронии судьбы именно в это поначалу верил и Шампольон. Но с 1822 года его идеи претерпели настоящую революцию. К тому времени в мельчайших и точных деталях было опубликовано огромное количество нового материала, большая часть которого была собрана в наполеоновскую кампанию. А в январе того же года Шампольон увидел копию надписи на обелиске, который был доставлен в поместье Кингстон-Лейси (графство Дорсет, Англия). Греческая надпись на постаменте свидетельствовала, что монумент был посвящен Птолемею и Клеопатре. Шампольон обнаружил имя «Клеопатра», написанное моноконсонантными знаками в одном из картушей обелиска, и это же имя, написанное такими же знаками, – на Розеттском камне. Вооруженный этими новыми чтениями, Шампольон позднее смог прочесть большое количество поздних названий и имен, включая имена римских императоров, и на других монументах, в частности, на некоторых обелисках, установленных на площадях ренессансного Рима.

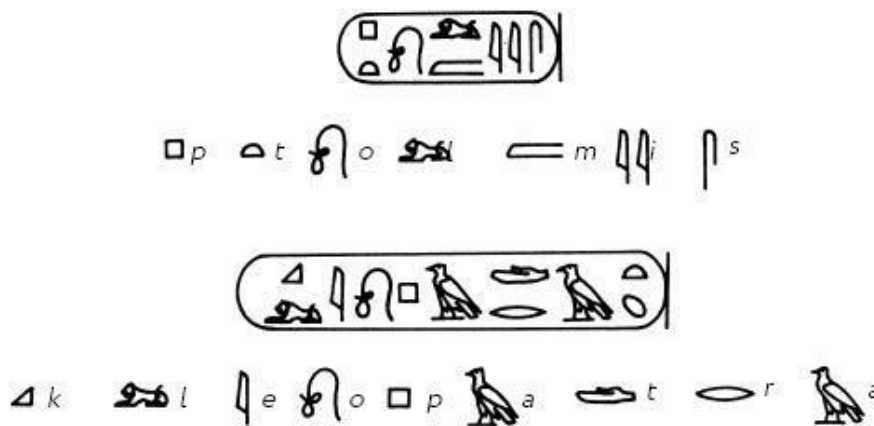

Рис. 9. Царские картуши с именами Птолемея (вверху) и Клеопатры (внизу).

Но как быть с письменами Египта до его покорения армиями Греции и Рима?

К 14 сентября 1822 года Шампольон опознал имена ранних египетских правителей – Рамсеса Великого и Тутмоса, которые были записаны фонетически. В том же году аббат Ремюза²⁷ предпринял первое исследование китайской письменности, не стесненное менталистскими

²⁷ Ошибка автора: не аббат Ремюза, а Жан-Пьер Абель-Ремюза (1788–1832), французский востоковед, один из создателей современного западного китаеведения.

фантазиями, и показал молодому египтологу, что даже китайская письменность была в значительной степени фонетической, а не просто цепочкой идеограмм. Принимая это во внимание, Шампольон опубликовал свое бессмертное «Письмо господину Дасье», в котором объяснил, почему изменил свое мнение об иероглифах вне картушей – в них тоже должен присутствовать фонетизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.